

Слова, брошенные Янь Юнем, подняли в душе Линь Фэнмина настоящую бурю, но внешне он лишь на мгновение замер, после чего как ни в чем не бывало продолжил идти вперед. Казалось, они просто обменялись ничего не значащей шуткой, но истинный смысл сказанного был понятен только им двоим.

Сбор кукурузы занял почти два часа. К половине одиннадцатого, когда работа подошла к концу, зной стал невыносимым. Линь Фэнмин так вымотался, что у него не осталось сил даже на разговоры. На нем была рубашка с длинным рукавом, и лишь по намокшей ткани можно было догадаться, как сильно он вспотел.

Янь Юнь же выглядел иначе: пот градом катился по его спине, насквозь пропитав черную майку, которая теперь липла к телу, словно мокрая ветошь. Линь Фэнмин бросил на него пару мимолетных взглядов и тут же отвел глаза, принявшись с преувеличенным интересом рассматривать посевы на соседнем участке киноимператора.

Актер сложил початки в кучу у края поля и, заметив интерес мужа, подошел ближе.

— Что там растет?

— Даже кунжут узнать не можешь? — едко отозвался Линь Фэнмин. — И этот человек хвастался, что умеет работать в поле. Самоуверенный болтун.

Янь Юнь лишь усмехнулся:

— Кто-то здесь слишком много знает. Раз ты такой мастер, может, в одиночку вспашешь два му земли? Языком чесать — не мешки ворочать, тут большого ума не надо.

Профессор мгновенно понял, что собеседник намекает на его слабую физическую подготовку, и холодно парировал:

— Грубая сила.

Перепираясь, они дошли до участка Линь Фэнмина — того самого, о котором Янь Юнь спрашивал вначале. Актер посмотрел на изможденного супруга, затем на землю и с вызовом предложил:

— Давай заключим пари?

Тот лениво поднял на него взгляд:

— На что?

— На то, что именно растет на этом поле, — нарочито серьезно произнес Янь Юнь. — По старым правилам: проигравший исполняет любое желание победителя.

Линь Фэнмин изогнул бровь:

— Идет. Выбирай первым.

Мужчина, даже не глядя на землю, выпалил:

— Ставлю на то, что это батат.

Линь Фэнмин лишь презрительно хмыкнул:

— Это арахис, недотепа. Копай.

Янь Юнь, словно ожидая этого ответа, довольно улыбнулся. Он вонзил лопату в землю и с первого же раза вывернул наружу куст арахиса, потянув за стебли. Профессор замер, сбитый с толку его улыбкой. В следующую секунду супруг поднял на него торжествующий взгляд:

— Профессор Линь, вы мастер своего дела. Ну и какой же будет ваш приказ?

В его голосе и позе буквально сквозило признание: «Я только что подыграл тебе». Зрители трансляции, конечно, тоже всё поняли:

«О-хо-хо! "Какой будет ваш приказ?"»

«Паршивец, ты же специально проиграл! Специально подставился под команду жены, да?»

«Да он с самого начала знал, что это арахис!»

«Увидел, что Ниннин устал и не в духе, и решил его так порадовать. Юньцзы, а ты хорош!»

«"По старым правилам"... А-а-а! Мой друг очень хочет знать, когда и при каких обстоятельствах появились эти правила. Ждем подробностей!»

«Вы, голубчики, явно часто играете в такие игры наедине! И что же должен делать проигравший?!»

«Юньцзы ждет суровое наказание от профессора».

«Какое еще наказание? Это же награда!»

Линь Фэнмин внезапно вспомнил свои слова в кукурузных зарослях о том, что Янь Юнью стоит убираться и копать свой арахис. До него дошло, что муж просто пытался его утешить. Он плотно сжал губы, стараясь скрыть улыбку, которая так и норовила появиться на лице. Лишь спустя время ему удалось вернуть себе холодный вид:

— Я еще не придумал. Будешь моим должником.

Янь Юнь хмыкнул, поднялся и, отряхнув руки, очистил свежий орех, протягивая его к самым губам Линь Фэнмина:

— Смотри, предложение ограничено по времени.

Тот покосился на него и взял арахис губами, на мгновение коснувшись кончиком языка шершавых пальцев партнера.

С арахисом они управились быстро. Затем, вооружившись серпами, они подошли к зарослям кунжута. Эти участки были не только с плохой почвой, но и совершенно запущенными: растения перемежались с мощными сорняками, стебли которых были настолько жесткими, что могли легко расцарапать кожу до крови.

Янь Юнь резко перехватил Линь Фэнмина за руку, едва не заставив того споткнуться:

— Иди-ка ты лучше в тень, почисти кукурузу. А с кунжутом я сам разберусь.

Профессор нахмурился, собираясь возразить, но в этот момент к ним подбежал Жуань Сянь с серпом в руках:

— Профессор Линь!

Линь Фэнмин замер, и Янь Юнь, воспользовавшись моментом, первым шагнул в заросли. Линь Фэнмин втайне стиснул зубы и с недовольством посмотрел на Жуань Сяня:

— Что еще?

Тот, испугавшись его тона, замер. Он тяжело дышал, и от жары его лицо приобрело болезненно-нежный оттенок.

— Я совсем не умею пользоваться серпом... — пробормотал он, глядя в землю. — Но Чэн Сюй... я не хочу ему мешать. Вы не могли бы меня научить?

Казалось, он рассчитывал на то, что Линь Фэнмин, как истинный педагог, не сможет отказать в просьбе о помощи. Его голос звучал кротко, но в самой просьбе сквозила странная уверенность в согласии. Профессор нахмурился: интуиция подсказывала, что намерения Жуань Сяня не так просты, но разгадать их с ходу не удавалось. К тому же ни профессиональная этика, ни привычки не позволяли ему просто отвернуться.

— Идем, — в конце концов кивнул он.

Участок Жуань Сяня находился совсем рядом. Земля здесь была заметно лучше, и кунжут рос без таких густых колючих сорняков.

— Где инструмент? — спросил Линь Фэнмин, стоило им остановиться.

Жуань Сянь поспешно протянул ему серп. Профессор перехватил стебли кунжута, ловким движением запястья подрезал их и бросил к ногам парня:

— Понял?

Тот осторожно кивнул:

— Вроде бы... Но я боюсь, что у меня не получится. Вы не могли бы показать еще раз, ведя мою руку?

Линь Фэнмин на мгновение замер, осознав, что Жуань Сянь напрашивается на тактильный контакт. Он с интересом изогнул бровь.

— Вам неприятны прикосновения? — тут же подхватил Жуань Сянь. — Простите, я... я не знал. Я думал, в университете вы часто так помогаете студентам с чертежами... Если вы не хотите, ничего страшного!

Профессор остро почувствовал, что дело тут вовсе не в обучении. После недолгой паузы он ответил:

— Хорошо. Но я покажу только один раз.

Он взял Жуань Сяня за запястье, направляя его руку. Фанаты парня в чате буквально зашлись в экстазе:

«А-а-а-а! Как это романтично!»

«Я знала, что перед обаянием нашего Сяньсяня никто не устоит!»

«Малыш такой неуклюжий и милый, так и хочется его обнять!»

«Профессор и его непутовый ученик — идеальное сочетание!»

«Ниннин, конечно, хорош, но на роль главного мужа не тянет. А вот в гарем нашего Сяньсяня вполне впишется!»

Однако обычные зрители были иного мнения:

«Что за чушь вы несете?! Ниннин — профессор, он просто привык помогать тем, кто не справляется. Не наглейте!»

«Запахло фальшью. "Малыш", "неуклюжий"... Тошнит уже».

«У Жуаня что, мания — прибирать к рукам чужих мужей? Свой бросил, теперь к другим клеится?»

«Ниннин просто слишком вежлив. Янь Юнь бы его живо на место поставил».

«Это же его старый трюк. На прошлом шоу он тоже прикидывался дурачком и вешался на всех подряд, пока не выяснилось, что он женат на Чэн Сюе».

«Погодите! Я вспомнила! На том шоу он тоже просил одну девушку научить его пользоваться техникой, а потом "случайно" поранился, и ту девчонку затравили в сети! Ниннин, беги от него!»

Линь Фэнмин не знал о прошлом Жуань Сяня, но твердо решил выяснить, к чему тот клонит. Он крепко сжал запястье собеседника, собираясь сделать замах, как вдруг почувствовал едва заметное сопротивление. Линь Фэнмин резко замер. Жуань Сянь испугался, решив, что его раскрыли:

— Ч-что не так?..

— Ты неправильно держишь угол, — холодно произнес Линь Фэнмин. — Расслабь руку.

— А... да, конечно, — пробормотал Жуань Сянь, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Профессор посмотрел на острое лезвие и, когда собрался сделать движение, снова ощутил, что парень направляет руку совсем в другую сторону — прямо к своей голени. В этот миг Линь Фэнмину всё стало ясно. Жуань Сянь намеревался направить лезвие так, чтобы оно оставило на его ноге неглубокую, но эффектную рану.

Поскольку Жуань Сянь «не умел» пользоваться серпом, виноватым в несчастном случае оказался бы тот, кто его «учил». Возможно, его целью было не столько подставить Линь Фэнмина, сколько получить травму самому. Мотивы были очевидны: во-первых, избежать тяжелого труда в жару, во-вторых, привлечь внимание аудитории и обелить себя в глазах публики, а в-третьих — вызвать жалость у Чэн Сюя.

Но почему он выбрал именно профессора? Чэн Сюй даже не смотрел в сторону «супруга». Му Ян, Цинь Фэн и Дуань Синбэй ничего не смыслили в сельском хозяйстве, и просьба к ним выглядела бы слишком нарочитой. Оставались Янь Юнь и Линь Фэнмин. Янь Юнь открыто недолголюбил Жуаня и наверняка бы отказал. А профессор Линь, в силу своей профессии и характера, был идеальной мишенью.

Жуань Сянь всё рассчитал, показав, что он далеко не тот «наивный дурачок», каким его считали в сети. Но он совершил одну роковую ошибку: тот, к кому он обратился, был далеко не глуп.

Будь на месте Линь Фэнмина кто-то другой, исход был бы иным. Чэн Сюй мог бы просто отвести его руку, сделав вид, что ничего не заметил. Му Ян, скорее всего, безмолвно принял бы вину на себя и терпел нападки фанатов. Дуань Синбэй от испуга засыпал бы извинениями и покорно сносил оскорбления в сети. Будь это Янь Юнь, он бы просто швырнул серп на землю и ушел, не желая участвовать в этом фарсе.

Но Жуань Сянь выбрал Линь Фэнмина.

Тот на мгновение опустил взгляд, и в ту секунду, когда парень начал движение, он внезапно разжал пальцы. Момент был выбран безупречно. Жуань Сянь, осознав, что рука больше не встречает сопротивления, в ужасе попытался остановиться, но инерция была слишком велика. Острое лезвие серпа мгновенно сменило траекторию и, вспоров ткань брюк Линь Фэнмина, полоснуло его по голени. На белой коже тут же проступила кровь.

Жуань Сянь в шоке уставился на Линь Фэнмина. Тот лишь слегка нахмурился, не проронив ни слова, словно произошедшее было лишь досадной случайностью. Но в глазах профессора парень прочел нечто такое, от чего его сердце сковал могильный холод. Роли поменялись: пострадавшим стал Линь Фэнмин, а виновником, на которого теперь обрушится гнев публики — сам Жуань Сянь.

Тот в ужасе выронил серп, его глаза наполнились слезами:

— П-простите... я не хотел!.. Пожалуйста, простите меня! Я правда... правда не хотел причинить вам боль...

Только Линь Фэнмин знал, за что на самом деле он просит прощения.

— Пустяки, — бросил он равнодушно.

Однако зрители не собирались оставлять это просто так:

«А-а-а-а! Я же говорила — держитесь от него подальше! Ниннин, мой бедный Ниннин!»

«Что ты творишь?! Он же тебе помогал!»

«Движение было странным! Профессор несколько раз просил его расслабиться, а он словно специально дернул рукой!»

«Нога моего профессора! Жуань Сянь, ты совсем с ума сошел?!»

«Я сейчас лопну от злости! Быстрее, перевяжите его!»

«Юньцзы идет! Скорее!»

«Всё, Юньцзы в ярости. Похоже, Жуань Сяня сейчас прямо здесь и закопают».

Янь Юнь, только что закончивший работу с кунжутом, уже спешил к ним. Лицо его было мрачнее тучи, а пот, стекающий по лбу, придавал ему пугающе суровый вид. Жуань Сянь окончательно потерял самообладание. Он понимал, что теперь ему никто не поверит. Всхлипывая, он запричитал:

— Профессор Линь... я правда не нарочно...

Линь Фэнмин не обращал на него внимания. Он осмотрел рану, осторожно коснувшись пальцами краев разреза. Кровь окрасила его кончики пальцев и медленно потекла вниз, но он, казалось, совсем не чувствовал боли. Глядя на окровавленные пальцы и слушая причитания Жуань Сяня, Линь Фэнмин на миг вспомнил о Линь Ане.

Он внезапно осознал, что в его жилах течет кровь Линь Юнхуэя. Под маской холодного безразличия скрывалась та же мстительность и готовность идти до конца. Линь Ань, желая отомстить ему за побег, выбросился из окна в день его экзаменов, лишившись возможности ходить. А он, Линь Фэнмин, чтобы наказать Жуань Сяня, не побоялся подставить под удар собственную ногу, ответив врагу его же оружием. «Око за око», в самом буквальном смысле.

Для человека с высокими моральными устоями подобная месть могла показаться недопустимой и даже подлой. Но профессор не испытывал мук совести. Глядя на кровь, он

лишь подумал о том, как расстроится Янь Юнь. И его опасения подтвердились.

Янь Юнь заметил кровь, когда до них оставалось еще шагов десять. В его голове словно что-то взорвалось. В мгновение ока он оказался рядом и, мертвой хваткой вцепившись в запястье Линь Фэнмина, прорычал:

— Чья это кровь?!

Жуань Сянь стоял рядом, едва дыша от страха. Чат трансляции в один голос пытался объяснить актеру, что произошло.

— Моя, — спокойно ответил Линь Фэнмин. — Случайно задел серпом, ничего серьезного.

Он не стал называть виноватого, но Янь Юнь мгновенно почувствовал подвох. Он опустился на колени перед мужем, и когда увидел рану, его лицо стало еще темнее.

— Кто это сделал? — ледяным тоном спросил он.

Линь Фэнмин промолчал. Видя это, Жуань Сянь, всхлипывая, выдавил:

— Э-это я... случайно... Профессор помогал мне, а я... я не рассчитал силу... Простите...

Актер стиснул зубы и посмотрел на него. В его взгляде было столько неприкрытой ярости, что Жуань Сянь лишился дара речи и лишь низко опустил голову, содрогаясь от плача.

— Всё в порядке, — Линь Фэнмин потянул Янь Юня за руку. — Вставай.

Янь Юнь, не отрываясь, смотрел на рану, а затем внезапно поднялся и, проигнорировав изумленный возглас супруга, подхватил его на руки и зашагал к краю поля.

Вскоре на шум сбежались остальные. Му Ян заботливо протянул Янь Юню йод и ватные палочки, а сотрудники съемочной группы принесли бинты и перекись. Дуань Синбэй, едва живой от жары, тоже подошел поинтересоваться самочувствием профессора, пока Цинь Фэн обмахивал его импровизированным веером.

— Профессор Линь, вы как? — с тревогой спросил парень.

— Всё хорошо, пустяковая царапина, — ответил Линь Фэнмин.

Он хотел добавить что-то еще, но, увидев, что брови Янь Юня сошлись на переносице так плотно, что между ними не пролез бы и муравей, благоразумно замолчал. Линь Фэнмин сидел

на земляной насыпи; Янь Юнь аккуратно разрезал штанину его брюк, обнажая белую кожу с алеющей раной. Руки актера заметно дрожали, когда он обрабатывал порез. Профессор хотел было пошутить, чтобы разрядить обстановку, но, глядя на мрачное лицо мужа, передумал.

Все взгляды и объективы камер были прикованы к Линь Фэнмину. Это было именно то внимание, которого так жаждал Жуань Сянь, но теперь он стоял в стороне, забытый всеми, а в топе социальных сетей стремительно набирал популярность хештег с критикой в его адрес. Парень стоял, понунив голову, в ужасе от того, что Линь Фэнмин может раскрыть его истинные мотивы. В его памяти всплыло другое шоу, где он так же подставил девушку. Тогда он стоял в центре внимания, а она — в углу, глотая слезы обиды. Ту девушку потом долго травили в сети, лишив работы. Но та девушка была невиновна, и в ее душе жила ярость, а в душе Жуань Сяня сейчас был только липкий страх.

— Как это вышло? — не выдержал Чэн Сюй. — Профессор Линь ведь так ловок в поле. С чего вдруг он поранился?

— Просто оступился, — небрежно бросил Линь Фэнмин.

Чэн Сюй не поверил. Он посмотрел на Жуань Сяня — никто не знал этого человека лучше него. Тот не смел поднять глаз и, всхлипывая, повторил свою версию. Чэн Сюй нахмурился еще сильнее. Он был неглуп и, сопоставив прошлые выходки Жуаня с его нынешним страхом, мгновенно восстановил истинную картину событий. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза, уже предчувствуя, какая буря поднимется в интернете. Впервые он ощутил по отношению к Жуань Сяню не просто разочарование, а нечто более тяжелое. Трюк, который раньше срабатывал на доверчивых людях, на этот раз обернулся против самого манипулятора.

Линь Фэнмин не смотрел на Жуань Сяня. Он обратился к мужу:

— Ладно тебе, хватит тереть. Еще немного, и ты мне всю кожу сотрешь.

Янь Юнь молча отложил ватку. Му Ян подал бинты и лекарства, и когда рана была тщательно обработана, остальные участники под предводительством Янь Юня вернулись к своей работе. Стоило им уйти, как на поле воцарилась тишина.

Несмотря на палящее солнце, Линь Фэнмин вдруг почувствовал озноб. Он посмотрел на мрачного Янь Юня, сидящего рядом. Чувствуя за собой вину, он попытался завязать разговор:

— С кунжутом закончил?

— До кунжута ли мне теперь?! — огрызнулся Янь Юнь. — Может, стоило сразу ногу оттяпать? Я бы тебе тогда костыли купил, раз тебе так хочется внимания.

Линь Фэнмин замер. Встретившись взглядом с пылающими глазами мужа, он понял: тот всё

знает. Семь лет в одной постели и тринадцать лет знакомства не прошли даром — Янь Юнь видел его насквозь. Если бы это действительно была случайность со стороны Жуань Сяня, Линь Фэнмин ни за что бы не спустил это ему с рук. Профессор никогда не отличался всепрощением; он предпочитал платить за добро добром, а за зло — справедливостью. Никто лучше Янь Юня не знал, насколько Линь Фэнмин искусен в поле. Если бы он сам того не захотел, серп бы никогда его не коснулся.

Линь Фэнмин замолчал, глядя на свои пальцы. В его душе воцарилось смятение.

«Что он теперь обо мне подумает?»

Этот вопрос, преследовавший его до развода, снова всплыл в сознании.

Когда они были женаты всего два года, состояние ног Линь Аня начало стремительно ухудшаться. Нужны были деньги — сумма, которую Линь Фэнмин мог легко выделить. Сначала он пообещал помочь, дав родным надежду, но когда те перестали давать Линь Аню лекарства, готовясь к операции, он внезапно отказал. В итоге ногу пришлось ампутировать. Тогда он тоже спрашивал себя: что Янь Юнь подумает о такой жестокости?

Позже, когда у Линь Цзянькуня случился инсульт, Линь Фэнмин через их общего друга нашел лучшего нейрохирурга. Зная, что дед не проживет и года, никто из родни не хотел тратиться на лечение, надеясь на наследство. Линь Фэнмин же убедил старика, что надежда есть. Тот, «забыв» былые обиды, отдал ему все деньги в надежде прожить подольше. Профессор устроил его в лучшую палату и обеспечил самый дорогой уход, буквально спалив всё наследство до последнего гроша, чтобы родне ничего не досталось. Его отец, Линь Юнхуэй, в отчаянии молил о деньгах на лечение сына, но Линь Фэнмин был неумолим, и Линь Ань продолжал страдать.

Состояние Линь Цзянькуня быстро ухудшалось, и вскоре он оказался прикован к постели. Последние полгода он не мог проронить ни слова, существуя лишь благодаря трубкам. Он мучился от постоянных болей, моля взглядом о смерти, но Линь Фэнмин не позволял ему уйти, пока не будут потрачены все его сбережения. Профессор не хотел брать эти «грязные» деньги себе, но и не желал, чтобы они достались семье. Чтобы дед как можно дольше оставался в сознании, Линь Фэнмин запретил давать ему сильные обезболивающие. Старик страдал так, что не мог даже впасть в забытие. Глядя на его мучения, Линь Фэнмин словно видел самого себя — маленького мальчика под ударами его плети.

В день смерти Линь Цзянькуня на счету оставалось пятнадцать тысяч. Линь Фэнмин забрал пять, объявив их платой Янь Юню за уборку пшеницы, и под проклятия родни настоял на реанимации. Когда последние десять тысяч были потрачены, он собственноручно отключил аппарат и ушел, даже не оглянувшись. Те пять тысяч он на глазах у отца и матери пожертвовал маленькой девочке с лейкемией из соседней палаты. Мать тогда кричала ему вслед, что он неблагодарный пес, раз отдает деньги чужому ребенку, а не родному брату. Линь Фэнмин лишь холодно спросил:

— Обреченному на смерть? Ты это о Линь Ане?

Он ушел, не чувствуя радости от мести. Его занимал лишь один вопрос: что Янь Юнь теперь о нем подумает?

Был ли этот вопрос в его голове, когда он решил подать на развод, Линь Фэнмин уже и сам не помнил. Из тяжелых раздумий его вывел резкий, полный гнева голос:

— Линь Ниннин, когда ты уже научишься ценить себя?!

Линь Фэнмин вздрогнул и с изумлением посмотрел на Янь Юня. Тот едва сдерживал ярость; в его глазах пылал огонь, готовый испепелить всё вокруг, но в этом огне не было ни капли разочарования.

— Сколько раз я тебе говорил — держись подальше от неприятностей! — взорвался актер. — Когда ты поймешь, что жизнь у тебя одна? Когда ты осознаешь, что каждая твоя царапина отзывается в моем сердце нестерпимой болью?!

— Неужели ты ждешь того дня, когда я сам лягу перед тобой с перебитыми ногами, чтобы ты наконец это понял?!

«Твоя месть, твоя злость, твоя натура — я всё это знаю и принимаю. В этом нет ничего ужасного. Я всегда знал, кто ты на самом деле. Твоя "сущность" — это лишь нормальное человеческое желание ответить ударом на удар. Тебе причинили зло, и ты платишь тем же. Я никогда не считал это чем-то предосудительным»

«Но почему ценой твоего здоровья?! Почему ты готов калечить себя ради этого?! Твоё тело, к которому ты относишься с таким безразличием, для меня — сокровище, из-за которого я теряю сон от беспокойства»

Ярость Янь Юня была настолько явной, что чат трансляции притих:

«Учитель Линь же не нарочно! Зачем так орать?!»

«Полегче на поворотах! Зачем так пугать жену?! А ну, скажи по-человечески!»

«Ого, я понимаю гнев Юньцзы, но не слишком ли это похоже на одержимость?»

«Мне кажется, он на грани безумия...»

«Он так боится за него. Видимо, раньше уже случалось что-то подобное».

«Юньцзы, поговори с ним нормально! Это же Жуань Сянь виноват, при чем тут Ниннин?!»

Голос Янь Юня дрожал, капля пота скатилась по его щеке. В груди Линь Фэнмина внезапно разлилось странное тепло, смешанное с горечью. Янь Юнь, осознав, что перегнул палку, замолчал, с трудом справляясь с эмоциями. Спустя минуту он выдал:

— Прости.

Линь Фэнмин моргнул:

— За что?

— Я не должен был кричать на тебя, — неохотно пробурчал актер.

— Ладно, прощаю, — тут же отозвался профессор. — Но и ты свой характер попридержи.

— Ну нет, — Янь Юнь, только что раскаявшийся, снова нахмурился. — Одно другого не отменяет. Я всё еще злюсь, так что придумай, как меня задобрить, иначе мы к этому разговору еще вернемся.

— Я сам поранился, — Линь Фэнмин не выдержал и рассмеялся, — и я же должен тебя утешать? Не много ли ты на себя берешь?

Тот посмотрел на него:

— А как иначе? Разве я не имею права злиться?

Линь Фэнмин три секунды смотрел ему в глаза, а затем внезапно сдался:

— Хорошо. Сходи-ка принеси охапку свежего кунжута.

Янь Юнь ворчал, но просьбу исполнил мгновенно. Он принес несколько стеблей с зелеными коробочками. Многие зрители, выросшие в городах, никогда не видели свежий кунжут, да и сам актер, честно говоря, видел его впервые.

Линь Фэнмин взял один стебель и отломил сочный, граненый плод-коробочку:

— Ел когда-нибудь сырой кунжут?

— Нет, — признался Янь Юнь.

Линь Фэнмин нажал на створки коробочки, и та с тихим щелчком раскрылась, обнажая ряды

семян, покрытых тонкой, еще не затвердевшей кожицей. Он поднес плод к самым губам мужа и скомандовал:

— Открой рот.

Янь Юнь недоверчиво повинился. Линь Фэнмин ловким движением выдавил семена прямо ему в рот. Часть попала на язык, часть осталась на губах. Мужчина осторожно разжевал их, и по рту мгновенно разлился нежный, ореховый аромат свежего кунжута.

— И это всё? — проглотив семена, спросил он с сомнением. — Профессор Линь, вы решили отделаться от меня горстью семечек? Когда я вас утешал, я пускал в ход куда более весомые аргументы...

Линь Фэнмин, вспомнив что-то, покраснел до корней волос и поспешно перебил его:

— В детстве в деревне, когда не было игрушек и сладостей, мы часто так развлекались — щелкали кунжут.

Внимание Янь Юня тут же переключилось на новую тему. Он снова подумал о тяжелом детстве супруга, но вовремя спохватился:

— «Мы»? Это еще кто?

Линь Фэнмин тут же замолчал, а в голове Янь Юня взвыла сирена ревности:

— Только не говори, что это опять тот твой «друг детства»!

Видя, что муж снова заводится, Линь Фэнмин сорвал еще одну коробочку. Янь Юнь уже открыл рот, чтобы припомнить старые обиды, но в него тут же влетела новая порция кунжута. Проглотив семена, он не унимался:

— Стоит заговорить о нем, как ты либо молчишь, либо меняешь тему. Думаешь, сегодня тебе удастся откупиться кунжутом?

Линь Фэнмин тихо рассмеялся и, съев немного семян сам, лукаво произнес:

— Да, это был он. Мы действительно были не разлей вода. Мы не только овец вместе пасли и кунжут ели, мы еще...

Янь Юнь внезапно подался вперед и запечатлел на губах мужа короткий, властный поцелуй. Жар его дыхания смешался со зноим летнего дня. Линь Фэнмин замер. Янь Юнь не

отстранился; придерживая его за подбородок, он медленно, дразняще слизал крупички кунжута с его губ и прошептал:

— Всё ещё хочешь поговорить о нём?

Линь Фэнмин поднял на него взгляд, полный вызова:

— Ты же сам сказал, что просто так это дело не оставишь. А ведь мы ещё вместе...

В следующую секунду, как он и ожидал, Янь Юнь обхватил его за талию, прижал к себе и на глазах у миллионов изумленных зрителей властно накрыл его губы своими, языком проникая внутрь и жадно углубляя поцелуй.

<http://bllate.org/book/15367/1412424>